

Агния Кузнецова

**Группа дополнительных
занятий**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К89

Кузнецова А.

К89 Группа дополнительных занятий / Агния Кузнецова. – М.: Литнет, 2026. – 394 с.

ISBN 978-5-521-99521-9

Всякий юный маг мечтает попасть в Университет, чтобы среди таких же одаренных выходцев из хороших семей постигать тонкости волшебной науки.

Не всякому юному магу везет. Особо невезучие оказываются в народном училище среди преступников, хулиганов и деревенщин. Элин Богнар, попавшая туда не малыми способностями, а злым роком, делает все, чтобы выбраться из этого места с наименьшими потерями. И заодно не дать убийству одного из немногих приличных здесь людей остаться нераскрытым.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99521-9

© Литнет, 2026

© Кузнецова А., 2026

Глава 1

Профессор Иллеш ушел за мелом, а когда вернулся, за ним вошел паладин, настоящий, в синем плаще, ввел под локоть паренька. Руки паренька были скованы кандалами.

Элин сжала челюсти, скрыв зевоту, подумала: вот это просто отлично. Уснувшие было маги шуршали, возились, поднимались с парт, выглядывали из-за баррикад учебников. Стриженные брат и сестра с ряда у окна водили носами вслед новоприбывшему и пялились смелее всех.

Еще бы, думала Элин, как раз их сорта персона. Уголовник.

Профессор Иллеш показал на вторую парту, куда никто не садился, потому что там сложнее всего было списывать и спать. Парень втиснулся в проход сам, паладин, позванивая набедренниками об углы парт, за ним. Расстегнул кандалы на одной руке, присел, стукнув об пол булавой, зацепил браслет за скобу под столешницей. Подергал цепь. Элин опустила руку, нащупала такую же скобу под своей партой. Поджала губы.

Паладин встал, чуть не своротив налокотником чернильницу Элин. Она поймала, отодвинула к другому краю. Паладин обошел ряд, встал у стены, сбоку от полок устаревших методических пособий, которые брали иногда вместо черновиков, совков для мусора и растопки. Студенты уже не перешептывались, а переговаривались в полный голос. Элин сказала себе не прислушиваться. С нею, за неимением соседа по парте, никто ничего не обсуждал.

Не то чтобы мне этого хотелось, подумала она. Это очень удачно, что местная публика избавляет меня от необходимости терпеть не только их общество, но и беседы. Было бы невыносимо. О чем они могут дискутировать, кроме собственных неуспехов и дурных решений, которые в конечном итоге поселили их здесь, в гостеприимных облупленных стенах Ея Императорского Величества Училища магических умений и промыслов?

В народе – «лесопилка».

А выходцы – «полешки».

Ея Императорское Величество имеет к этому учреждению отношение такое же, как преподаваемое здесь – к высокому искусству магии, думала Элин. Более чем опосредованное.

– Ну ладно, ладно, – сказал профессор Иллеш, и гомон поутих. – Проснулись? Тогда давайте по домашнему заданию. Что я вам давал? Вы у меня кто?

Элин подняла руку. Университетский пиджак, с которого, конечно, пришлось отпороть эмблемы, задрался. Студенты совсем затихли, пробежал только по задним рядам шепоток.

Профессор Иллеш сел за стол, перелистнул несколько страниц в книжке, оглядел класс и понял, наконец-то, что перед ним развеивание чар, первый семестр. С грохотом открыл ящик стола, извлек из него и, отодвинув стопку тетрадей, выставил на столешницу глиняный кувшинчик. Элин потянула руку выше, ворот пиджака подпер ухо.

– Кто-нибудь еще? – спросил профессор Иллеш со вздохом.

Элин ухмыльнулась. Оставьте надежды, никто здесь ничего не знает, кроме меня, а я – не вашими стараниями.

– Ну хорошо, прошу вас, – он кивнул Элин, подвинул кувшинчик на край стола, а сам отошел к доске и принялся писать. Элин выбралась из-за парты, быстро распустила волосы, зачесала пальцами на правый глаз, и, на ходу одергивая пиджак, вышла к кафедре. Откашлялась.

– Прошу, прошу, – сказал профессор Иллеш, коротко обернувшись от доски. – Чтобы развеять чары, нужно?..

Элин коснулась пальцем края кувшинчика и проговорила заклинание задом наперед. Взяла кувшинчик, наклонила над ладонью, из горлышка потекла струйка. Элин поставила кувшинчик назад, достала из рукава платок, вытерла ладонь. Сказала четко и громко:

– Сначала нужно осмотреть сосуд, чтобы обнаружить, какие чары были наложены, в случае посуды это, скорее всего, чары проливания, и если нигде не обнаружено надписей...

– Хорошо, хорошо, достаточно, – сказал профессор Иллеш. Элин замолкла. На нее смотрел только Ферик с задов, будущий цельитель, который когда-то пытался общаться со всеми, но так ни к кому и не прилип. Впрочем, откуда бы Элин это было знать, ее ни в одну компанию не звали. И она не просилась, и не интересовалась хитросплетениями местных отношений. Она с этими людьми, будем надеяться, ненадолго.

Еще на нее смотрел новоприбывший. Элин могла его теперь разглядеть, и то и дело бросала взгляд. Он сидел на краю скамьи, одна рука висела вдоль тела, иногда он ею дергал, словно забывал, что прикован, и наручник ездил по скобе с тихим скрежетом. Другую руку он сложил на парту и ковырял пальцем одну из многочисленных надписей, которые оставляли на столешницах предыдущие поколения выходцев из села, государственных содержанцев и малолетних преступников. Волосы у паренька были длинные, нечистые, обрамляли нелестно грубоватое, с тяжелыми чертами, лицо. Элин тряхнула головой, поправила прядки справа. Имей она возможность благопристойно собирать волосы – она бы так и делала.

Паладин у полка, кажется, задремал.

– Что это были за чары? – спросила Резель, длинная и тонкая, похожая на громоотвод, девчонка. Лицо у нее было бледное, вытертое, взгляду не за что зацепиться, и Элин отличала ее только по росту.

– Непроливания, вербальные, для малых форм, – сказал профессор Иллеш. – Все ведь сделали это задание без проблем? У вас должно быть в учебнике.

Студенты помолчали. Элин прищурилась. Она видала учебники, которые тут выдавали, и научиться из них можно было только смирению и бренности бытия: невообразимо путаное устаревшее бормотание, перемежаемое неприличными, работы предыдущих учащихся, картинками. И хорошо, если все страницы были на месте.

– Нету такого! Про вербальные для глины нету, – возмутился стриженный от окна. Кенан. Сестра его, похожая на него до той сте-

пени, что только голос выдавал в ней девушку, поддакнула. Они оба были чернявые, бровастые и круглоголовые, чему совершенно не помогала прическа. Словно их не так давно обрили от вшей. Элин передернуло.

Профессор Иллеш потер пальцы от мела, сошел с кафедры. Сестра Кенана, которую звали как-то то ли в рифму, то ли созвучно, развернула к нему учебник. Профессор принялся листать.

– Действительно... возьмите тогда Фабиан и Сомодь, они есть в библиотеке.

– Нету! – снова возмутился Кенан и почесал за ухом. Элин сжалась и попятилась от края кафедры. Зареклась сидеть на соседнем с этой семейкой ряду.

– Как – нет? Были.

– Были, – подтвердил Ферик, покрутил книгу в обложке из газеты. – Целых два было. За последний прям там подрались.

Профессор Иллеш повел сутулыми плечами под сюртуком, пробормотал, все листая мягкие от ветхости страницы:

– Во-первых, драчуны пойдут к господину заместителю по воспитанию.

– Я-то что? Это не я, а...

– Во-вторых, купите, раз уж нет. – Он захлопнул учебник, подвинул на парте. – Хотя бы Фабиан и Сомодь. Все, что я задаю, будет на экзаменах.

Студенты разом поскущели. Элин подумала: ха.

– А в университетском все есть, – сказала пухлая девица с первой парты. На большей части занятий она спала, но отвечала всегда очень прилично. Почти как Элин. Теперь было ясно, почему. Элин пригляделась. Сережки на девице отличались вкусом, что редко встречалось у местных. Для местных вкус – это большое, блестящее и дорогое. Серьги же были небольшие, с зелеными камнями. Быть может, даже под цвет глаз, Элин было не видно с кафедры, да еще в тусклом свете утра.

– Университетский еще лучше, – сказал профессор Иллеш, вернулся к доске. – Там много для вас лишнего, но у кого есть возможность – приобретите, не пожалеете. Засим...

– То есть, чары по глине будут на экзамене? – уточнила Резель и изготовила перо записывать. – Вы нам этого...

– Если я задаю – значит, вы должны прочитать сами. Найти, где хотите, – сказал профессор Иллеш доске. – У нас нет времени рассусоливать каждую тему. Если что-то не поняли – обратитесь к товарищам.

Кенан картинно упал на парту и побился лбом о тетрадь. Сестра его показала спине профессора фигуру из пальцев и, кривляясь, передразнила слова. Элин кашлянула в кулак, быстро потерла потеплевшую щеку. Профессор Иллеш глянул на нее искоса и вместо того, чтобы отпустить – а садиться на место без разрешения преподавателя было неприлично – сказал:

– Вот, например, мефрау Богнар вам сейчас расскажет, раз уж никто, кроме нее, не сообразил почитать. А я пока... – он замолчал, словно истратив все отведенные на разговор силы, и вернулся к схеме на доске.

Свалить свои обязанности на самих студентов – это было умно. В университете такого безобразия не творилось, тем более, то, что здесь хотели утрамбовать в полгода, там преподавали год. Элин дернула волосы справа, быстро пригладила, подобрала кувшинчик и громко и четко проговорила заклинание для глиняной посуды. Перевернула кувшинчик над полом, добавила:

– Чары для глины очень похожи на чары для стекла, потому что керамика сродственна со стеклом. Нужно просто поменять во второй строфе, а остальное оставить так же.

Длинная Резель скрипела пером, то и дело вскидывала вострый нос и просила помедленнее и по слогам. Элин диктовала, поглядывала на профессора Иллеша. Тот кивал изредка. Потом положил мел, сел за стол и сказал:

– Мефрау Богнар – можете занять свое место, вы удовлетворительно поработали сегодня. – Элин поставила кувшинчик, сделала книксен и соступила с кафедры. Профессор Иллеш потер пальцы и сказал: – Остальные – плохо, нужно не надеяться на кого-то, а заниматься самим. Перепишите и перерисуйте, – он показал на доску, открыл книжечку и что-то там пометил. – Я потом объясню.

Элин аккуратно записала новую тему: «Удаление невербальных чар с бытовых сосудов, поверхностей и принадлежностей». За спиной раздалось громким шепотом: «фиглярка». Элин не узнала по голосу. Выпрямилась еще больше, так, что закаменела шея, подумала: если кого-то раздражают хорошие манеры, то чья же это вина? Наверняка не того, кто их проявляет. В университете принято...

Ей ткнули ручкой в спину. Элин вздрогнула, обернулась. Резель изобразила дружелюбие бледными губами, подсунула свою тетрадь, спросила шепотом: правильно? Элин стиснула кулаки под партой, выдохнула в два приема. Покачала головой, показала своей ручкой на слог с неверной гласной.

Обернулась на новенького. Тот уставился на доску тупым взглядом и что-то чертил пальцем на парте. Паладин глядел сквозь прорезь шлема то ли на него, то ли перед собою, в окно поверх голов.

Увел он своего подопечного тем же манером, что и привел: сковал кандалами руки, взял под локоть, и они вышли первыми. Остальные проводили их, и только потом начали собираться, хотя обычно, не успеет профессор сказать «Это все», в дверях уже стоит толкотня.

Вторым предметом опять стоял общий для всех групп: основные заклятия, и студенты сначала растянулись по коридору, а потом снова собрались – на первом этаже, около угловой аудитории, которую продувало всеми ветрами из окон на двух стенах, а судя по потекам под подоконниками и пятнам на полу – в те же окна еще и подтапливало весной. Элин стояла у двери, обняв ранец, а остальные ее товарищи распределились по стенам, как наросты по больному древесному стволу, и переговаривались. В бок дуло от входных две-

рей. Элин повернулась, прислонилась к стене плечом, подставила сквозняку лицо, обняла ранец крепче. Сказала себе не прислушиваться, но все равно услышала:

– «Заниматься самим, не надеяться ни на кого», ну обалдеть теперь, – говорила стриженная сестра, а брат ее кивал. – Старый жирный сачок.

– Да ладно, – сказал Ферик, – нормальный, вроде, мужик.

Кенан сделал похабный жест в районе паха. Собрание заржало. Элин закатила глаза.

– Он натурально получше некоторых, – сказала пухлая девушка, заправила каштановую прядку за ухо. Качнулась серьга. – Материаловед, зараза, помните? Вообще другие вопросы, как будто выдумал на ходу...

Материаловедения у Элин в расписании не было, а у брата с сестрой, видимо, как раз было, потому что они разом согласились, обложив профессора Фараго заковыристыми матюгами.

Кто они такие тогда? Будущие создатели амулетов или будущие рисовщики охранных заклинаний? И то, и другое – весьма благородные и вознаграждаемые занятия для магов без мозгов, подумала Элин. Работа руками – это низко и глупо. Дважды глупо, если имеешь дар.

– ... сосуд?

Элин снова прислушалась.

– Нас отпускали уже без этого, – сказал Кенан, сцепил запястья друг с другом. – Суд решил – значит, все, типа можем находиться среди людей, шагайте учитесь. Ну, нацепят браслет-то этот, пока условное, и все. И без паладинов, а то они будут заниматься кем попало.

– Интересно, демон или дух, – протянула Резель, обхватила себя за плечи. Сквозняк раздувал воротник ее легкой кофты.

– С демоном бы не пустили, – сказала девушка с серьгами без всякой уверенности.

– Наоборот, с демонами отправляют сразу, – сказала стриженная сестра. – Как запечатают и освидетельствуют, типа не опасны. Они сами просятся, либо это, либо вообще казнят. – Она медленно провела пальцем у горла, выпучила глаза и с хрипом вывалила розовый язык.

Кто и почему решил, что смерть менее привлекательна, чем пребывание в Ея Императорского Величества Училище магических умений и промыслов, подумала Элин.

Сосуд – это, однако, даже хуже, чем уголовник. Потому что маг, пусть и преступный, есть не более, чем человек. Что может выкинуть дух или, еще краше, демон, заключенный в живом сосуде – заранее неизвестно.

Видимо, расчет на то, что местные студенты загрызут и духа, и демона, и всех богов войны и раздора, проглотят вместе с сосудом и пойдут покурить.

Госпожа Деак явилась, как обычно, в безразмерной своей кофте, и Элин, которой холод заползал по чулкам вверх под юбки и обнимал ребра под пиджаком, на сей раз ей позавидовала. Госпожа Деак открыла аудиторию, прикрикнула: не ломиться, где ваши манеры?!, и неторопливо вошла. На Элин наперли сзади, как волна на плотину, она уперлась каблуками, подождала, пока госпожа Деак прошествует в двери, и только тогда сдалась под напором. Ее выпихнуло из дверного проема, как пробку из бутылки, вынесло на условный простор, Элин прошла по инерции до среднего ряда и остановилась оглядеться. У окна будет холодно... в любом случае будет холодно, в спину надует. Но у стены хотя бы только в спину, а не...

У стены, опять за второй партой, уже сидел то ли сосуд, то ли все-таки уголовник. Цепь от скобы до наручника висела дугой. Элин поежилась, шагнула было к ряду у окна, но он уже был весь занят, и средний – наполовину.

Элин выпрямила спину и села сразу за новеньким. Подумала мстительно: а вас, трусов, продует.